Однако, безусловно, необходим отдельный закон, который позволит упорядочить и структурировать процесс интеграции иностранных граждан в принимающее сообщество, и самое главное – придаст этому процессу правовой статус, независимо от категории мигрантов.

1. Метелёв И.С. Социально-философские принципы анализа миграции // Омский научный вестник. 2011. № 4 (99). С. 77–80.
2. Integration // BMI-Lexikon [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bmi.bund.de/DE/service/lexikon/lexikon-node.html>
3. Gesetz über Duldung bei Ausbildung und Beschäftigung im Bundesgesetzblatt verkündet [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/kurzmeldungen/DE/2019/07/duldungsgesetz-verkuendet.html>
4. Gesetz über den Aufenthalt, die Erwerbstätigkeit und die Integration von Ausländern im Bundesgebiet [Электронный ресурс]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/aufenthg_2004/BJNR195010004.html
5. Rosenberger S. Integration von AsylwerberInnen? Zur Paradoxie individueller Integrationsleistungen und staatlicher Desintegration // Migration und Integration – wissenschaftliche Perspektiven aus Österreich / Julia Dahlvik / Heinz Fassmann / Wiebke Sievers (Hg.). Vienna University Press. 2011. S. 91–106.
6. Перечень поручений по вопросам реализации Концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/62960>

Шарков А.В.

**Принцип добросовестности в юридической науке и гражданском
законодательстве**

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский
университет
(Россия, Пермь)*

doi: 10.18411/lj-04-2020-111

idsp: ljjournal-04-2020-111

Аннотация

В статье представлено исследование понятия добросовестности как одного из основных начал российского гражданского права (принципа). Показана связь принципа добросовестности с моральными нормами. Автор анализирует изменения гражданского законодательства в области укрепления принципа добросовестности и приходит к выводу, что эти изменения следует оценивать положительно. Значительное место в статье занимает дискуссия в доктрине гражданского права относительно сущности, функций и назначения принципа добросовестности.

Ключевые слова: добросовестность, оценочная категория, презумпция, принцип, мораль, гражданский оборот, правоприменительная практика

Abstract

The article presents a research of the concept of good faith as one of the basic principles of Russian civil law. The article reveals the connection between the principle of good faith with moral norms. The author analyzes the changes in civil law in the field of strengthening the principle of good faith and concludes that these changes should be evaluated positively. A significant place in the article is occupied by the discussion in the doctrine of civil law regarding the nature, functions and purpose of the principle of good faith.

Keywords: good faith, valuation category, presumption, principle, morality, civil circulation, law enforcement practice

Поиск субъектом предпринимательства баланса между своими экономическими интересами и публичными может выражаться в частности в соблюдении им принципов

добросовестности, разумности и справедливости, которые отечественный законодатель указал как основополагающие начала гражданской отрасли права. В действующей редакции ГК принципу добросовестности посвящены несколько статей. Пункты 3 и 4 статьи 1 ГК РФ гласят, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения [6]. Статья 10 содержит указание на добросовестность как презумпцию гражданско-правовых отношений: добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются [6].

Широкий круг исследователей при анализе понятия добросовестность исходит из того, что данная категория тесно связана с моральным принципом поведения людей в обществе, в частноправовой традиции ведет свое начало со времен Античности.

Правовед Т.В. Дерюгина отмечает, что категория добросовестности была известна римскому праву и происходит от латинского «bona fides». При этом этот термин имел двойной смысл. Первый смысловой оттенок связывался с субъективной стороной поведения человека, обозначая отсутствие умысла со стороны управомоченной стороны, либо отсутствие грубой небрежности [8].

На другой смысловой оттенок этого понятия обратил внимание И.А. Покровский. Он состоял в том, что добросовестность рассматривалась как принцип частного права, позволявший римским юристам и преторам, применяя в конкретных ситуациях существующие в обществе представления о должном и недолжном, развивать и дополнять тем самым гражданское право [15].

Добросовестность представляет собой двойственное понятие. С одной стороны, добросовестность является своеобразным эталоном поведения, который формируется под влиянием общественных отношений, впоследствии трансформируясь в законодательную норму. С другой, добросовестность того или иного субъекта связана с его морально-нравственными представлениями о честности, порядочности и т.д. Таким образом, речь о добросовестном поведении может идти только тогда, когда субъект, принимая то или иное юридически значимое решение, руководствуется не только своими (пусть даже и законными интересами), но и учитывает интересы контрагента. Следовательно, категория добросовестности исторически и семантически связана с социальной ответственностью субъекта. Следует согласиться с Т.В. Дерюгиной в том, что добросовестность есть соотношение взвешенных индивидуальных интересов с частными интересами других лиц и общества в целом [8].

Принцип добросовестности при осуществлении гражданских прав и исполнении обязанностей формально закрепился в отечественном гражданском законодательстве сравнительно недавно. Его официальное введение в ГК связывается правоведом с исполнением Указа Президента Российской Федерации от 18.07.2008 № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» [19]. Во исполнение этого нормативно-правового акта 7 октября 2009 года решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства была одобрена «Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации» [10]. В соответствии с положениями этой Концепции в 2012 году был принят федеральный закон № 302-ФЗ [20]. Этим законом расширено и уточнено понятие злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ) как «...осуществление гражданских прав исключительно с целью причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав» [6].

В пояснительной записке к законопроекту отмечалось, что правила о добросовестности являются естественным противовесом правилам, утверждающим свободу договора и автономию воли сторон. При этом некоторые исследователи

отмечают, что закон не дал самого определения добросовестности, что может неоднозначно сказаться на судебной практике [23].

К.И. Леонтьева также полагает, что ключевую роль в квалификации того или иного поведения добросовестным или недобросовестным суждено сыграть правоприменительной практике, которая с учетом конкретных обстоятельств каждого дела будет вырабатывать критерии добросовестности [12].

Адвокат Д.В. Носова позитивно оценивает нововведение и полагает, что нормативное закрепление этого принципа позволит участникам гражданского оборота в случаях недобросовестных действий со стороны контрагента значительно чаще применять меры гражданско-правовой защиты на этом основании [14].

Исследователь Е.Е. Богданова полагает, что при определении понятия добросовестности используется значительное количество оценочных суждений и категорий. Вместе тем отмечается, что понятие добросовестности отражает систему представлений, сложившихся в обществе, о нравственности поведения субъекта права в гражданском обороте [3]. Сложность заключается в том, что эта система представлений исторична и изменяется с течением времени. Поэтому для правоприменительной практики вопрос о структуре и составных частях этого принципа не является чем-то абстрактным. Можно привести пример СССР, в котором ныне разрешенные и приветствуемые в обществе способы заработка являлись преступлением, например: спекуляция (ст. 154 УК РСФСР), коммерческое посредничество (ст. 153 УК РСФСР) [18] и др. Указанные деяния оценивались не только в правовых категориях (преступление), но и в моральных (зло).

Отечественный правовед А.И. Бибиков предлагает свое понимание сущности принципа добросовестности и его места в гражданском законодательстве. Автор отмечает, что действие этого принципа применимо ко всем аспектам поведения субъектов гражданско-правовых отношений (установление прав, их осуществление и защита) [2]. Добросовестность рассматривается исследователем как собирательное и сложное по своему содержанию понятие, в котором одновременно сочетаются такие аспекты как общее и частное.

Общее проявляется в том, что добросовестность, являясь ограничителем автономии воли субъектов, выступает в качестве универсального требования ко всем участникам гражданских правоотношений. Особенное же проявляется в том, что добросовестность упоминается в ряде положений ГК РФ применительно к отдельным правоотношениям (например, ст.ст. 51, 53.1, 60.2, 145, 167, 220, 234, 302 ГК РФ и др.) [6].

Исследователь также со ссылкой на судебную практику предостерегает от идеализации этой категории путем придания ее излишней моральной окраски. Свобода (автономия) воли является важнейшим инструментом реализации материальных интересов субъектов гражданского права, что предопределяет их соответствующее поведение. «Суд, – отмечает А.И. Бибиков, – в толковании недобросовестности в качестве критериев берет не нравственные, а исключительно материально-правовые ценности спорных правоотношений: нарушение разумного баланса прав и обязанностей, нарушение баланса имущественных благ...» [2, с. 196].

Современное гражданское законодательство употребляет понятие добросовестности в 3 смыслах:

- 1) добросовестность как особая характеристика субъекта права;
- 2) добросовестность как объективная сторона поведения субъекта гражданских правоотношений (п. 3 ст. 53, п. 1 ст. 234, п. 3 ст. 307 ГК РФ и др.) [6];
- 3) добросовестность как презумпция гражданского права (п. 3 ст. 10, ст. 173–174 ГК РФ) [6].

Положения о добросовестности лиц, участвующих в деле, содержатся и в процессуальном законодательстве (ст. 35 Гражданского процессуального кодекса РФ [7], ст. 41 Арбитражного процессуального кодекса РФ [1]).

Следует отметить, что в последние годы законодатель продолжает прилагать усилия для укрепления принципа добросовестности в гражданском законодательстве. В 2015 году федеральным законом № 42 в ГК РФ была введена статья 431.1, которая установила преддоговорную ответственность для стороны, которая своим недобросовестным поведением необоснованно прекращает переговоры с контрагентом [22]. Такой шаг со стороны законодателя является вполне логичным и последовательным, поскольку входит в общее представление о добросовестности в гражданском обороте, которое принято в большинстве правовых систем континентальной Европы (например, в Италии [5]).

В 2013 и в 2015 годах Гражданский кодекс РФ пополнился еще двумя положениями, развивающим представление о добросовестности в России, это п. 5 ст. 166 [21] и п. 3 ст. 432 ГК РФ [22]. Оба этих положения закрепляют правило эстоппель о непротиворечивом поведении в обороте, которое является признаком добросовестного поведения субъекта. Заметим, что данное правило заимствовано отечественным законодателем из английского права, которое не знает и не признает единой теоретической концепции добросовестности как таковой.

В 2015 году представление о добросовестности расширил и уточнил Пленум Верховного суда РФ. В своем постановлении от 23.06.2015 № 25 Верховный суд обратил внимание нижестоящих судов на следующие аспекты правоприменения.

Во-первых, суд указал на особое значение общих начал гражданского законодательства (ст. 1 ГК РФ) в толковании его отдельных положений.

Во-вторых, квалифицирующими признаками добросовестного поведения указываются следующие: а) учет прав и законных интересов другой стороны, б) добросовестное поведение — это такое поведение, которое следует ожидать от любого участника гражданского оборота (презумпция).

В-третьих, признание поведения стороны гражданского оборота недобросовестным может произойти по инициативе суда, т.е. без соответствующего обоснованного заявления другой стороны.

В-четвертых, суд должен принимать меры по обеспечению интересов добросовестной стороны, при этом отказывая недобросовестной стороне полностью или частично в защите принадлежащего ей права [16].

Следует также обратить внимание на то, что исследователи выделяют два смысловых оттенка добросовестности – объективный и субъективный. Объективный аспект представляется как определенное правило поведения (совокупность внешне выраженных действий) участника гражданского оборота, которое является предсказуемым, ожидаемым, направленное на учет интересов других участников [11]. Субъективная же сторона выражает психическое отношение субъекта к его действиям (бездействиям) в рамках гражданско-правовых отношений. Л.В. Санникова отмечает: «Понятие добросовестности в субъективном смысле, в отличие от понятия добросовестности в объективном смысле, нашло отражение в гражданском законодательстве в формуле “знало или должно было знать” либо “не знало или не могло знать”» [17, с. 354]. Субъективный смысл, который обнаруживается авторами при исследовании принципа добросовестности нашел свое отражение в ряде статей ГК РФ, например, п.6 ст. 8.1, п.1 ст. 145, п.1 ст. 167, п.3 ст.253, п.1 ст. 302, п.2 ст.382 ГК РФ) [6].

Исследователь в области договорного права М.Ф. Лукьяненко в своей монографии выделяет добросовестность как одну из оценочных правовых категорий в российском законодательстве. Она полагает, что в литературе до сих пор не выработано единого понятия добросовестности, а закон не дает четких критериев, по

которым то или иное поведение субъекта правоотношений может квалифицированно как добросовестное или недобросовестное. Она также соглашается с обоснованностью и уместностью разделения субъективного и объективного смыслового значения добросовестности. Соглашаясь с другими исследователями, М.Ф. Лукьяненко отмечает, что т.к. законодатель не в состоянии предвидеть и регламентировать все возможные случаи поведения сторон, в закон вводится такая правовая категория как добросовестность [13]. К добросовестности правоприменитель сможет обратиться в том случае, если для разрешения спорной ситуации не будет существовать конкретной нормы. В качестве примера добросовестных действий контрагента приводится следующее: «...предоставление партнеру достоверных сведений о себе и о юридическом лице, от имени и в интересах которого выступает представитель; предоставление достоверной информации о товаре, являющемся предметом сделки; поставка товара, свободного от любых прав и притязаний третьих лиц, включая права и притязания, основанные на промышленной или другой интеллектуальной собственности; осуществление своих прав без нарушения охраняемых законом интересов других лиц; соблюдение правил деловой этики; принятие соответствующих мер для надлежащего исполнения договорных условий» [13]. Подводя итоги своим рассуждениям, М.Ф. Лукьяненко предлагает свое понимание добросовестности в обязательственных правоотношениях. По ее мнению, добросовестность стороны договора заключается в том, что эта сторона принимает меры к обеспечению исполнения обязательств своих и контрагента, а с другой стороны избегает ситуаций, при которых исполнение обязательства может оказаться невыполнимым.

Принцип добросовестности с одной стороны направлен на обеспечение устойчивости гражданского оборота, обеспечения баланса сторон, а с другой стороны этот принцип фактически ограничивает свободу договора. Согласно п. 3 ст. 307 ГК РФ стороны должны вести себя добросовестно в том числе и при установлении обязательства, т.е. при заключении договора. Г.В. Вердиян выделяет ряд сделок, которые признаются недействительными в связи с их противоречием принципу добросовестности

- кабальные сделки;
- сделки, совершенные под влиянием обмана, насилия или угрозы;
- сделки, совершенные с выходом за пределы ограничения полномочий, когда другая сторона знает или должна была знать о выходе за пределы ограничений полномочий и т.д [4].

Исследователь также обращает внимание на определенные трудности доказывания факта недобросовестного поведения другой стороны при заключении сделки, а именно:

- а) доказыванию будет подлежать чрезмерная невыгодность договора для одного из контрагентов (объективный признак);
- б) необходимо будет доказать намерение одной стороны воспользоваться нуждой или несчастьем другого человека (субъективный признак) [4].

А.В. Коновалов отмечает положительные изменения ст. 166 ГК РФ об оспоримых и ничтожных сделках [9]. В п. 5 указанной статьи устанавливается, что заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на нее лицо действует недобросовестно, в частности, если по его поведению после заключения сделки другие лица могли судить о действительности сделки [6]. Фактически речь идет о положительной оценке внедрения в российскую практику английского принципа общего права – эстоппеля. Также автор обращает внимание на то, что субъективная добросовестность реализована законодателем в ст. 173, п. 2 ст. 173.1, п. 1 и 2 ст. 174, п. 2 ст. 179 ГК РФ [9, с. 9].

Таким образом, категория добросовестности в гражданском праве является предметом дискуссии исследователей. Вместе с тем, укрепление добросовестности в

качестве одного из базовых начал гражданского законодательства следует оценивать положительно. Этот принцип придает стабильности гражданскому обороту и свидетельствует об усилении социальной ориентации закона.

Добросовестность представляет собой двойственное понятие. С одной стороны, добросовестность является своеобразным эталоном поведения, который формируется под влиянием общественных отношений, впоследствии трансформируясь в законодательную норму. С другой, добросовестность того или иного субъекта связана с его морально-нравственными представлениями о честности, порядочности и т.д. Таким образом, речь о добросовестном поведении может идти только тогда, когда субъект, принимая то или иное юридически значимое решение, руководствуется не только своими (пусть даже и законными интересами), но и учитывает интересы контрагента.

Добросовестность, являясь ограничителем автономии воли субъектов, выступает в качестве универсального требования ко всем участникам гражданских правоотношений. Фактически она выступает инструментом установления баланса интересов.

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Бибилов А.И. Принцип добросовестности в цивилистической доктрине и судебной практике: проблемы толкования // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. №2. С.195-199.
3. Богданова Е.Е. Принцип добросовестности и судебное усмотрение // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 1. С. 14-17.
4. Вердиян Г.В. Реализация принципа добросовестности в современном гражданском праве // Финансы: Теория и Практика. 2012. №3. С. 50-56.
5. Гражданский кодекс Италии от 16 марта 1942 № 262. Режим доступа: URL: http://www.jus.unitn.it/cardozo/Obiter_Dictum/codciv/ (проверено 30.03.2020).
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Дерюгина Т.В. Добросовестность участников гражданских правоотношений как предел и принцип права // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. 2013. №3 С.51-55.
9. Коновалов А.В. Принцип добросовестности в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации и в судебной практике // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 4–14.
10. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Кушарова М.П. Добросовестность как презумпция в цивилистической науке и её применение в судебной практике // Модернизационный вектор развития науки в XXI веке: традиции, новации, преемственность, 30 апреля 2016 года, г. Санкт-Петербург. СПб.: Изд-во «КультИнформПресс», 2016. – с. 274-276.
12. Леонтьева К.И. Добросовестность как генеральный принцип гражданского права: об одной новелле Гражданского кодекса РФ // Юридическая наука и практика: история и современность: сборник материалов I Международной научно-практической конференции, 5 июня 2013 г. - Рязань: Концепция, 2013, Вып. 1. - С. 159-163.
13. Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. — М.: Статут, 2010. — 423 с.
14. Носова Д.В. Анализ некоторых изменений в часть первую гражданского кодекса Российской Федерации // Имущественные отношения в РФ. 2013. №4 (139). С.65-70.
15. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. - 3-е изд., стереотип. - М.: Статут, 2001. - 354 с.
16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
17. Санникова Л.В. Реализация принципа добросовестности в законодательстве и судебной практике // Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства: сборник

- статей по материалам ежегодной международной научно-практической конференции / коллектив авторов; под ред. С. А. Полякова. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2015. – с. 352-356.
18. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (ред. от 30.07.1996) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 19. Указ Президента Российской Федерации от 18.07.2008 № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 20. Федеральный закон «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 30.12.2012 № 302-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 21. Федеральный закон «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 07.05.2013 N 100-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 22. Федеральный закон «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» от 08.03.2015 N 42-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 23. Щербинин И.И., Полякова В.Э. Комментарий к Федеральному закону от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Финансовые и бухгалтерские консультации (электронный журнал). №3-2013. Режим доступа: URL http://www.fbk.ru/upload/docs/FBK_Journal_032013d.pdf (проверено 30.03.2020).

Юлдашев Э.Р.

Международное сотрудничество в борьбе с терроризмом: общая характеристика и актуальные проблемы

*Крымский филиал ФГБОУ ВО "Российский государственный университет правосудия"
(Россия, Симферополь)*

doi: 10.18411/lj-04-2020-112

idsp: ljjournal-04-2020-112

*Научный руководитель
Абляимова Э.Э.*

Аннотация

В статье рассматривается нормативно правовая база по борьбе с международным терроризмом, приводится общая характеристика международного сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом и выделяются основные проблемы в области такого сотрудничества. Также анализируется деятельность международных организаций по борьбе с международным терроризмом.

Ключевые слова: терроризм, международный терроризм, конвенция, борьба с преступностью, ООН, международное сотрудничество.

Терроризм — это политика, основанная на систематическом применении устрашения мирного населения, выражающегося в физическом насилии, вплоть до уничтожения. Сегодняшний интерес к этому явлению обусловлен выработкой эффективных мер по нейтрализации наиболее опасных его проявлений. Современный терроризм во многом образован политическими, социальными, религиозными, экономическими и другими процессами, которые протекали в мире раньше и происходят в настоящее время.

Терроризм — глобальная угроза, которая не признает границ, национальности или религии, и поэтому международное сообщество должно сообща бороться с ней. Реакция международного сообщества на терроризм была твердой и решительной — особенно после событий 11 сентября 2001 года.

Международный терроризм представляет собой специфическую форму терроризма, зародившуюся в конце шестидесятых годов прошлого века (20 век) и получившую особо бурное развитие на рубеже двадцатого и двадцать первого столетия. Главными целями международного терроризма выступают: